

Д О М Ы С Л Ы

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

С а д

Н А серой заре воробей был разбужен: потрескивая, лопались почки.

Береза выкинула первый слизистый листок.

Сияют умытые ландыши, им еще грезится зима.

От набухшей вишневой ветви веет весной.

Птичьи голоса свежи. Георгины и астры ведут хоровод.

Маки стоят, как именинники. С елочной иглы свисает, словно вдовья слеза, росинка.

Кактус, подставляя зеленые ладони, ловит светлые брызги, летающие из фонтана.

Куст шиповника всю ночь таил свой восторг, а при солнышке, под взволнованный птичий щебет, зацвел, распустился.

Ветерок треплет рябину. Лапы пальм трепещут, будто ресницы взволнованной красавицы.

Береза так легка, что, кажется, вот-вот взмахнет сквозным крылом и улетит расхорошая.

Сребристый тополь подобен потоку, полному светлой силы, смотрю в переливы листвы, как в струи потока.

Листья в зеленом пуху. На заре дрожат озябшие листья.

День разыгрывается. Сколько во всем непостижимой премудрости!

Былинка, не дающая тени на солнце, предстоит в славном явлении перед мексиканским кипарисом, имеющим пятнадцать метров в поперечнике.

Иное дерево не берет топор, а стыдливая мимоза свертывается не только от прикосновения, но и от одного взгляда угрюмого человека.

Так разны плоды одного корня, возросшие в неодинаковых условиях: вот поле для размышления над улучшением человеческой природы.

Листья более мелкие, чем рыба чешуя, и цветы легче тени порхающей бабочки, а на плавающих в бассейне мясистых листьях виктории дети могут играть в мяч.

На сосновом сучке выкипает первая смолка. Стрекоза танцует над гвоздикой.

В зелени плюща, как смех, сверкает вьющаяся гималайская роза: поднимается ли в ней температура в пору цветения и любви?

Из-под забора буйно прут лопухи и репейник, разросшийся нерадением садовника. Думается о наших, за малым исключением, достижениях в литературе, музыке и живописи.

В тени цветы печальны. По мураве разбросаны вытканые солнцем ковры.

Богатое разнообразие форм, запахов, цветов и отцветков. Розы совершеннее самых гениальных стихов, африканские же стапелии воняют падалью.

Сколько тысячелетий воды жизни мыли корни орхидеи, имеющей пятнадцать тысяч видов?

Растения юные и вымирающие, доморощенные и бродяги. Береза пришла в Сибирь с русскими дружинами в XVI веке, а дерево гинкго еще в доисторическую эпоху откочевало из Европы в Китай и Японию и лишь недавно возвращено отсюда на свою прародину.

В каждой листке отражается солнце, и дивным светом сквозит душа самой весны.

Вечер, вокруг разлита кроткая печаль.

Листва шелестит в полусне. На стволах сосен вянет заря.

Цветы, словно в молитве, склоняют головы.

Тихо пламя хризантем. Не в них ли свило себе гнездо само очарование?

В тесной аллее тоскует о своей далекой родине библейский кедр.

Аромашки, аромашки... Что-то вспомнилось из дней юности, нахлынула грусть.

Какая-то цветунья, коей я не знаю названия, раскачивается, точно танцовщица в медлительном танце.

Трелические папоротники похожи на распущенные волосы красавиц, которых в наше время мало уже и осталось, они переводятся, как зубры.

Голубой лотос — Индия и Египет, угасшие веры, вымершие народы, вечное круговращение жизни.

Зеленые тени, прохлада. Прозревшая мысль летит. Мне становится понятнее Иван Грозный, чье имя долго еще кровавой звездой будет мерцать во мгле веков.

Как грешные души, стайкой пронеслись грачи, и все стихло.

В кустах слитный сумрак.

Тишина... Слышно дыхание пчелы, дремлющей на цветке.